

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7

Часть I. Черные вдовы

1. Письма счастья. Белль Ганнес 17
2. Хохот Алабамы. Нэнни Досс 62
3. В тишине. Бетти Лу Битс 97

Часть II. Мотыльки

4. Femme fatale. Мария Тарновская 123
5. Я вернусь. Эйлин Уорнос 162

Часть III. Ангелы смерти

6. Сестры милосердия из Лайнца 221
7. Отель смерти. Доротея Пуэнте 255

Часть IV. Создавшие монстра

8. Покидая Индию. Мари-Андре Леклер 291
9. Самая красивая. Карла Хомолка 339

Заключение 379

ПРЕДИСЛОВИЕ

Женщинам не свойственно убивать. Они приходят в этот мир, чтобы дарить жизнь и хранить семейный очаг, поэтому у них крайне редко возникает тяга к кровопролитию. Такие рассуждения встречаются в бытовых разговорах или в устаревших исследованиях. До определенного времени считалось, что женщин-маньяков вообще не существует. Сегодня известно, что это не соответствует действительности. На самом деле роковую черту может переступить как мужчина, так и женщина. Безусловно, между убийцами разных полов есть различия, но они имеют отношение скорее к социальной статистике, чем к биологии. К примеру, для убийств женского типа характерно стремление выяснить биографию жертв. Такие преступления совершаются скрытно, они чаще всего бескровны и направлены преимущественно против родственников, детей и стариков. Убийцы, действующие по мужскому типу, предпочитают лишить человека жизни быстро, доставив максимум страданий в единицу времени, при этом жертва нередко обезличивается. Ряд исследователей объясняют такие особенности тем, что мужчины по своей природе «охотники», а женщины — «собиратели». Женщинам

присущи более упорядоченные и последовательные действия, при этом мужчины чаще демонстрируют более яркие эмоции.

Как можно догадаться, доказать это с научной точки зрения практически невозможно, опровергнуть, впрочем, тоже. Следует лишь уточнить, что расхождения в условно мужском и условном женском типе убийств, очевидно, объясняются не только и не столько биологией, сколько социологией.

Наряду с физиологическими различиями мужчины и женщины имеют психологические особенности, однако в науке нет единого мнения относительно того, с чем это связано. Сегодня все чаще можно встретить исследования, которые доказывают, что эти несходства обусловлены давлением общества и стилем воспитания, а не генетикой. Неверно рассуждать о специфически мужском или женском характере преступлений. Всегда стоит делать оговорку о том, что это условность. Можно провести аналогию с извечным спором ученых о том, как разнится тип мышления в зависимости от пола. Согласно статистике, для женщины не характерны радикальные решения, ей более близка приспособленческая позиция. В таком виде спорта, как шахматы, мало представительниц слабого пола, а вот в школу обычно идут работать именно они. Это объясняется и тем, какую роль общество отводит женщине, и тем, что у них чаще встречаются те или иные особенности личности. Однако это вовсе не значит, что история не знает бунтарок или гениальных шахматисток. Если речь идет об убийствах по женскому типу, из этого не следует, что их обязательно совершили женщины, это лишь свидетельствует об определенном паттерне поведения, который им чаще свойственен. То же и с убийствами по мужскому типу. Под этим обычно под-

разумеается стиль охотника: убийца не интересуется биографией жертвы, обращает внимание лишь на то, насколько она подходит под его требования. Среди женщин-убийц попадаются и те, кто действовал в рамках такого паттерна, но их статистически меньше. Стоит также отметить, что в поведении любого человека можно найти условно мужские и условно женские способы принятия решений. В *modus operandi* конкретного серийного убийцы представлены черты как мужского, так и женского паттерна поведения, однако всегда есть доминирующий вектор, согласно которому развивается и действует преступник.

Чтобы кто-то оказался способным на убийство, необходим ряд условий: наличие особенностей психики, которые необязательно лежат в области патологии, социально-средовой фактор, а также возможность и физическая способность совершить преступление. Женщина слабее мужчины, и в большинстве социумов ей издревле отводилась роль сподвижницы и помощницы. Ее редко допускают в сферы деятельности, где можно получить специальные знания, своего рода «подготовку» к осуществлению убийства. В том числе поэтому среди серийных убийц меньше женщин. Гендерное неравенство привело к возникновению такого явления, как социально одобряемое убийство. Если мужчина, склонный к насилию, может адаптироваться в социуме, выучившись, например, на военного или полицейского, то представительницам противоположного пола этот путь доступен далеко не всегда.

Во все времена отношение к абортам было неоднозначным, в результате чего количество детоубийц неизменно оставалось высоким — ими часто становились повитухи и медсестры. В данном случае речь идет не о тех, кто умерщвляет собственного ново-

рожденного ребенка, — такие поступки обычно объясняются кратковременным психозом матери, — но о системных детоубийцах, которые помогали роженицам избавиться от нежеланного дитя. Подобные преступления всегда представляли собой сложную этическую дилемму для правосудия.

Еще одной «территорией для убийств» стали супружеские отношения. Социальное порицание разводов, дошедшее до наших дней, породило феномен черных вдов. Статус вдовы позволял женщине получить некоторую долю самостоятельности, приобрести вес в обществе, поэтому вместо сложного, а зачастую и невозможного расторжения брака возникал соблазн физически устранить супруга. Иногда это превращалось в способ преуспеть в жизни, так как у женщины было очень мало возможностей реализовать себя. Сегодня эти системные преступления относительно редкое явление, что в немалой степени объясняется развитием криминалистики, которая за последние десятилетия шагнула далеко вперед; в результате раскрываемость таких дел выросла. Негласная установка полиции на то, что убийцу нужно искать среди родных и выгодополучателей, также сыграла позитивную роль в этом процессе. При этом, безусловно, одним из основных факторов стала демократизация общества, при которой перед женщиной открылись иные пути для достижения финансового благополучия. Многие профайлеры, включая выдающегося Роберта Ресслера, не относят системных мужеубийц к маньякам, так как убийства из корыстных побуждений выходят за рамки серийных. Тем не менее история знает много случаев, когда женщины отправляли мужей на тот свет не из желания обогатиться, или же этот мотив был для них вторичен.

Весьма интересен еще один феномен — убийства, совершаемые в паре. Роль жертвы социально приемлема для представительниц прекрасного пола, поэтому, когда женщина становится равноправной участницей преступления, она также получает большее снисхождение, так как делает это «не по своей воле». Мужчин, вовлеченных в смертельные дуэты, история знает не слишком много, ведь к ним отношение традиционно гораздо менее лояльное.

В книгу вошли рассказы о женщинах — серийных убийцах, написанные от первого лица и составленные на основе их признаний, интервью и свидетельств современников. Истории скомпонованы в соответствии с типом преступлений. Следует пояснить, что эта книга — не документальное расследование, но психологическая реконструкция, которая поможет увидеть мир глазами убийцы, понять мотивы поведения самых известных преступниц.

Часть I

ЧЕРНЫЕ ВДОВЫ

К двадцати пяти — тридцати годам человек усваивает условно мужскую или женскую модель поведения. Грубо говоря, к этому возрасту мужчина уже умеет обустроить домашний очаг, а женщина — оберегать это пространство. Вот почему мужеубийцы обычно начинают свою «карьеру» именно в эти годы. Низкий уровень эмпатии, признаки расстройства личности, средовой фактор, угроза собственной жизни или безопасности детей заставляют этих женщин впервые пойти на убийство супруга, а спустя какое-то время такой способ решения проблем начинает казаться им наиболее эффективным. Как уже говорилось, в классическом понимании этого термина черную вдову сложно назвать серийной убийцей, так как ею руководят корыстные мотивы. Само название вошло в обиход благодаря Бель Ганнес, которая превратила убийства в бизнес, при этом очевидно, что она действовала не только из финансовых соображений. Как выяснилось, в большинстве случаев лишь первое убийство можно объяснить логически, а все последующие — это следствие психических нарушений. В среднем криминальный путь черной вдовы длится десять-пятна-

дцать лет, однако известны случаи, когда женщина убивала мужей и членов своей семьи на протяжении тридцати и даже сорока лет. По объективным причинам в большинстве случаев такого рода преступления веками оставались нераскрытыми или недоказанными, поэтому изученными считаются истории мужеубийц, чей пик «карьер» пришелся на XX век.

ПИСЬМА СЧАСТЬЯ

Белль Ганнес

(1859–1908)¹

Сельбу (Норвегия), Иллинойс, Индиана (США)²

В наше непростое время женщина может претендовать на то, чтобы ее считали человеком, только в одном случае — если она овдовела. А что вы скажете о той, кто сбилась со счета, хороня мужей? Достояна ли она прослыть кем-то большим, чем простая смертная?

Мое имя Белль. Родители нарекли меня Брунгильдой, но все, чего я добилась, не их заслуга, поэтому теперь я зовусь иначе. Брунгильдой впору величать злую колдунью из средневековой сказки. Представляете себе красивую девушку с таким именем? Вот и родители не могли. Они никогда не считали меня привлекательной или умной. Я была чересчур пухлым младенцем с такими светлыми волосами, что казалась лысой. Конечно, я этого не помню, но сестры, потешаясь, рассказывали, с какой горечью, качая люльку, мать смотрела на меня, ведь она понимала, как сложно будет выдать замуж такую дурнушку.

Брунгильда. Уродливая, одинокая ведьма из замка на горе. О том, что красота — вопрос спорный и не

¹ Здесь и далее — даты жизни и смерти героинь.

² Здесь и далее — места совершения преступлений.

всегда значимый, мои недалекие родители ведать не ведали. Они считали ее товаром, который легко продать родственникам будущего зятя. На моей родине, кстати сказать, такой обычай никогда не был в ходу. Уже поселившись в Америке, я не раз встречала женщин, которые впервые увидели мужа на свадьбе. В Норвегии парень и девушка должны познакомиться, пообщаться и только потом прийти к отцу с матерью за благословением. Впрочем, кого мы обманываем, последнее слово всегда и во все времена оставалось за родителями.

Я появилась на свет в 1859 году в обветшалом домишке в Сельбу. Наша коммуна — это несколько деревень на берегу озера. Все ходят в одну церковь. Школа тоже общая. И все же каждое из поселений предпочитает жить само по себе. В Штатах мне часто доводилось слышать о том, что деревенские люди чище и проще, что они держатся друг за дружку и, если кто-то попадет в беду, тотчас приходят на выручку. Ничего, кроме ухмылки, такие рассказы у меня не вызывают. Соседи поспешат на помощь, только если случится пожар и огонь с вашего дома грозит перекинуться на их жилище. Во всех остальных случаях деревенские отличаются от городских только тем, что обязательно позубоскалят, а то и швырнут вслед ком грязи, случись кому-то оказаться в нужде. В городе же до тебя никому нет дела. Поверьте, мне много раз требовалась поддержка, но всякий раз вместо этого меня норовили облить помоями.

Расскажу о своем детстве. Наше семейство ютится в хлипкой хибаре на окраине деревни. У меня семеро братьев и сестер. Обычно все спят вместе в одной комнате, ведь протопить дом непросто, а в Норвегии большую часть года холодно. Почему-то

все относятся ко мне как к младшей, хотя у меня есть сестра, которая родилась годом позже, но она смазливая и смышленная, тогда как я никому особо не нравлюсь.

Сельская жизнь безумно скучна и однообразна. Поднимаешься с рассветом, чтобы потом до сумерек вкалывать. Мать обычно хлопочет по хозяйству, братья помогают отцу на стройке или чистят коровник, а потом шагают в школу при церкви. Сестры ухаживают за скотиной. Меня же частенько отправляют пасти коз и коров, а заодно собирать хворост. Вообще-то девочек редко отряжают на такие дела, ведь их, не ровен час, изнасилуют, и тогда сидеть им вечно на родительской шее. Меня отпускать никто не боится: отец пару раз видел, как я дерусь с деревенскими мальчишками, и с тех пор ни о чем таком не тревожится. Соседские дети кричат мне вслед «побирушка», но это никого, кроме меня, не задает. Жители деревни покупают дрова на растопку и лишь изредка посылают кого-нибудь из сыновей за хворостом. Я же должна каждый вечер возвращаться с целой вязанкой, иначе мы все замерзнем.

И вот бреду я однажды из леса со своей ношей и слышу, как меня кто-то кличет. Вижу — сын местного судьи. Парень мне знаком — он учится в одном классе с моими братьями.

— Побирушка! Иди-ка сюда, я тебе денег дам!

Мальчишка стоит на каменном крыльце дома и машет мне рукой. Этот постамент с колоннами, слишком роскошный для здешних мест, смастерил в прошлом году мой отец. Я помогала ему размешивать раствор для облицовки. Сын судьи, на редкость красивый парень с ямочками на щеках, улыбается мне. Он выглядит хозяином жизни и достойным сыном своего отца, но обращается ко мне, дочери простого

каменщика. Я предпочитаю не замечать то, что он назвал меня побирушкой, откладываю вязанку и медленню, словно замороженная, подхожу к нему.

— Смотри, что это там? — Мальчишка показывает куда-то мне под ноги.

Я опускаю голову, стараюсь рассмотреть то, о чем он говорит, но в следующую секунду негодяй ловко спрыгивает с крыльца, поддевает ногой коровью лепешку и подкидывает ее так, что она пачкает мне лицо и одежду. Я столбенею, не понимая, как реагировать, и в тот же миг со всех сторон слышится залиvistый хохот. Кажется, вся деревенская детвора выскочила из своих домов, чтобы поглазеть на мое испорченное платье. Я в ужасе озираюсь. Везде знакомые лица, среди которых и два моих брата. Вы знаете... Они смеются громче всех.

День ото дня я все больше ненавижу родителей. Ко всему равнодушная мать никогда не обращает внимания на своих детей. Лишь иногда она рассказывает нас, своих дочерей, вокруг стола и учит шить.

Вскоре я соглашаюсь пасти соседских коров и коз, чтобы на вырученные деньги купить немного дров. Не самая остроумная затея. Во-первых, оказывается, у отца на эти гроши совсем другие планы: «Дрова нам не нужны, хворост ты и так принесешь». Во-вторых, люди не жалуется тех, кому нужно платить. Вскоре все в деревне начинают поглядывать на меня с неприязнью, презрением и даже отвращением.

— Ты же девчонка, тебе не пристало такое занятие! Зови хотя бы брата, когда придет время рассчитывать. Ты даже цифр не знаешь, да и не положено тебе, — ворчит местный судья, расплачиваясь со мной.

Позови я брата, придется делиться с ним теми жалкими медяками, которые я умудряюсь выручить за свою работу. Да и цифры я уже знаю, а вот читать

не умею, хотя и очень хочу научиться. Образованные девушки всегда выглядят умнее и привлекательнее, но таких у нас в деревне можно по пальцам пересчитать, и все они грезят о свободной стране по ту сторону океана. Одна из них берется обучить меня грамоте за разумную плату, но вскоре наши занятия сводятся к рассказам об Америке, куда она отчаянно хочет попасть. По ее словам, там все имеют равные права, и у каждого есть шанс разбогатеть. Больше всего в тех краях ценятся предприимчивые дельцы, которым ни бог, ни черт не страшен. Во время одной из наших бесед я вдруг понимаю, что там, на другом континенте, никто не будет звать меня побирушкой и кидаться грязью, никто не станет пренебрежительно выгребать из карманов мелочь, чтобы заплатить пастушке за услуги. В Америке можно будет начать новую жизнь, стать кем-то большим, чем дочь деревенского работяги.

Она всегда была очень грубой и неприятной, скорее напоминала парня, чем девушку. Ее интересовали только деньги, если она что-то там сделала, связала или сшила. Она без конца считала деньги, никогда и ни с кем не водила дружбу. Мы, честно сказать, брезговали с ней общаться.

Из воспоминаний жителя Сёр-Трёнделаг,
односельчанина Белль Ганнес

Когда мне исполняется тринадцать, умирает мать. С тех пор с каждым годом мы живем все хуже, нуждаемся все больше. Старшая сестра Олина вместе с женихом тайно покидает Сельбу, а потом я получаю от нее письмо уже из Америки. Ей удалось...

Отец потерял интерес ко всему на свете и теперь влачит жалкое существование, кажется, только из чув-

ства долга перед нами. Постепенно братья и сестры находят спутников жизни и уезжают в город, а я все так же вожу коров на выпас, таскаю вязанки хвороста, а по вечерам без усталости вяжу варежки и шапки на заказ. Мой план состоит в том, чтобы как можно скорее накопить достаточно денег на билет до Америки. Он безумно дорогой: три недели плавания в каюте третьего класса стоят как небольшой дом в нашей деревне. Смешно надеяться на то, чтобы заработать столько вязанием, но я продолжаю грезить о прекрасной жизни на дальних берегах. И, знаете, ничто не красит человека так, как мечта. Я замечаю это, когда вдруг на меня начинают поглядывать молодые люди. С годами красоты у меня не прибавилось, но я так увлечена идеей купить билет на пароход до Америки, так неистово стучу спицами по вечерам и так часто секретничаю со своей учительницей, что многие проявляют ко мне интерес. Конечно, кого-то я раздражаю, но, думаю, это просто зависть — не всем дано стремиться к чему-то большему. Редко кто решится помыслить о чем-то, кроме двойного жалования. Спроси у человека, на что он потратит миллион долларов, и убедишься в моей правоте. Только единицы придумают что-то, кроме покупки десятка домов.

— Побирושка, пойдешь сегодня со мной на танцы? — спрашивает однажды сын судьи.

С годами он превратился в восхитительного красавца. Стоит мне взглянуть на него, и мои щеки заливаются стыдливый румянец. Лучезарная улыбка, блестящие глаза, потрясающие ямочки на щеках — все выдает в нем человека, который не ведает печали и не знает забот. Такие люди всегда завораживают тем, как легко они живут и как просто им все дается.

Конечно, я соглашаюсь, и весь вечер мы проводим в соседней деревне, где есть небольшая тавер-

на. Там по вечерам царит настоящее веселье: звучит музыка, и устраиваются танцы. Я ловлю на себе завистливые взгляды девушек, и это меня безумно забавляет. Вдруг начинает казаться, что ни сын судьи, ни кто бы то ни было другой уже не помнит, как он вымазал мое платье коровьей лепешкой и смеялся вслед. Только прозвище Побирушка приклеилось ко мне навечно, и я даже начинаю думать, что оно не такое уж обидное.

Между нами вспыхивает страсть, и этот роман в одночасье путает все мои планы. В конце концов, в Америку я стремлюсь только ради того, чтобы такие, как сын судьи, почитали меня за равную. Сейчас же я получила даже больше, никуда не уезжая. Парень смотрит на меня влюбленными глазами, а я с жадностью ловлю каждое его слово, слежу за каждым жестом и всеми силами стремлюсь доказать свою полезность и нужность. Я берусь помогать его семье по хозяйству, ухаживаю за скотиной, а потом вдруг понимаю: главное, что способна подарить женщина мужчине, — это ребенок. Отчаянное желание забеременеть вскоре осуществляется, и я со всех ног несусь к возлюбленному, чтобы сообщить радостную новость. Грезится, что вот теперь начнется совсем другая жизнь и на меня наконец станут смотреть как на настоящего человека.

— Приходи сегодня вечером, есть серьезный разговор, — заявляет он в тот день.

Я еще очень молода, и поэтому меня ничто нестораживает. Одна из сестер и даже отец прекрасно знают, куда я иду, и тоже надеются, что сегодня мне сделают предложение. Я чувствую волны зависти вперемешку с уважением. Никто в моей семье и помыслить не мог, что я, со своей неуклюжей крестьянской фигурой и грубым деревенским лицом, когда-нибудь

выбьюсь в люди и удачно выйду замуж. Наверное, тот день можно назвать самым счастливым в моей жизни, а вот следующей ночи суждено стать самым страшным испытанием.

Мне кажется, мой суженый пришел один. Поначалу он ведет себя вполне спокойно и сдержанно, но, как только я завожу речь о свадьбе, вдруг начинает хохотать и заталкивает меня в хлев. В глазах темнеет, поэтому я не успеваю заметить, откуда появляются его дружки. Кажется, это те самые парни, что потешались надо мной в детстве.

— Ты что, и правда думала, я такую в жены возьму, Побирушка? — заливается смехом сын судьи, размазывая по моему лицу грязь, а молодчики набрасываются на меня и принимаются колотить.

Всю ночь меня бьют и насилуют, пока по моим ногам не начинает струиться кровь. Не помню, как я доползла до дома. Несколько последующих недель распадаются в моей памяти на отдельные картинки. В какой-то миг я решаю, что семья должна отомстить за меня, как это заведено в деревне. А может, подать в суд? Но мои робкие просьбы натываются на презрительный смех отца и братьев, а младшая сестра отводит глаза, будто стыдясь меня.

Я бы пережила произошедшее со мной, если бы на этом все закончилось. Но иногда случается то, что меняет вашу жизнь навсегда. Когда я прихожу в себя, оказывается, что в этом мире мне теперь нет места. Грамота об окончании школы с отличием вместе с другими достижениями больше ничего не значит. Всякий раз в лавке или на ярмарке люди при виде меня отворачиваются, а в церкви норовят пересесть куда-нибудь подальше. В конце концов я привыкаю оставаться в одиночестве на воскресной службе. Даже моя младшая сестра, неловко извиняясь, уса-

живается на соседнюю лавку. Мечты о том, чтобы выйти замуж, можно оставить. Детей после той ночи я тоже, конечно, иметь не смогу. В довершение бед я обнаруживаю пустой свою коробку — деньги, которые я копила на билет до Америки, исчезли.

— Я забрал их себе. Девушка не должна иметь своих денег. Мне они нужнее. Вы все на моей шее висите, — вполне дружелюбно и небрежно бросает отец, когда я кидаюсь к нему. Мечту об Америке я хороню в саду, закопав пустую жестяную коробку рядом с хлевом, где закончилась моя прежняя жизнь.

Пастор Агатон Ханстен склоняет меня уйти в монастырь и посвятить себя Богу. Сначала это лишь пространные рассуждения, но постепенно от душе-спасительных бесед он переходит к жестким отповедям. Через месяц я перестаю посещать воскресные службы.

Сложно представить стезю более благородную и верную, чем посвятить себя Всевышнему. Уйти в монастырь — значит удостоиться чести, а не обречь себя на муки. Остается лишь пожалеть человека, для которого общение с Богом мучительно.

Пастор Агатон Ханстен

Наблюдать за тем, как люди при виде меня вжимают голову в плечи и начинают пристально изучать землю у себя под ногами, невыносимо. Я бы справилась с этим, будь у меня мечта и хотя бы крошечная надежда на то, что ей суждено когда-нибудь сбыться.

Я вынуждена искать заработок, но никто не может мне ничего предложить. Кому-то требуется

помощница по хозяйству или продавец в лавке, но люди тут же умолкают, заведя «ту самую злосчастную Брунгильду». Спустя несколько недель мне удастся устроиться кухаркой на одной ферме, но, как только хозяин узнает, кого нанял его управляющий, меня сразу же выгоняют, ничего не заплатив. Я соглашаюсь на любую, даже самую тяжелую и неприятную работу, сношу все унижения и издевки, а главное, раз за разом примиряюсь с тем, что денег мне не видать. Хитрые управляющие прекрасно понимают, что я ничего не смогу сделать, мои жалобы никто даже слушать не станет, поэтому они легко находят повод, почему мне можно не платить даже те гроши, о которых мы договаривались. После нескольких месяцев мытарств я оказываюсь в мясной лавке добряка Бьерна. Старик долго сомневается, стоит ли брать меня в мясники, но отчаяние, написанное на моем лице, смягчает его сердце, и он все же соглашается обучить меня премудростям своего ремесла.

Это тяжелая и грязная работа, но мне она по душе, а главное, сюда, в лавчонку старика Бьерна, я прихожу с тем же чувством, с каким обычно люди возвращаются домой. Здесь я учусь разделывать туши, и работы всегда хватает. По вечерам хозяин поит меня чаем и рассказывает бесконечные истории. Неважно, кем и где ты трудишься, человеку нужно знать, что он на своем месте. Никакие деньги не окрыляют вас так, как доброе слово.

Целыми днями я провожу за тем, что свежую туши, а по полу снуют крысы. Эти мерзкие твари, рискуя собственной жизнью, прыгают на мясо, пытаются урвать хоть кусочек. В углу стоит большая бутылка со стрихнином, которым Бьерн травит этих вредителей, но, сколько бы трупиков ни обнаруживали мы по утрам, вечером всегда прибегают новые грызуны.

— Смотри не переусердствуй, эта отравка может прикончить не только крысу, — предупреждает однажды старик.

Я запоминаю этот совет, но делаю собственные выводы. Признаюсь честно: едва я встала за прилавок и поприветствовала первого покупателя, мысль о крысином яде уже не покидала меня. Сын судьи отсаживается от меня на церковной службе и переходит на другую сторону улицы, едва завидев мою неуклюжую фигуру. Он тот, из-за которого моя жизнь переломилась надвое. Мерзавец не видит меня в упор, даже когда я отвешиваю ему говяжью вырезку. Конечно, он ничего не забыл, но кому есть дело до какой-то помощницы мясника?

Проходит несколько месяцев, прежде чем я разрешаю себе снова задуматься о покупке билета на паром. К этому времени мне удастся скопить разве что на дорогу до Лондона. Оттуда отчаливают гигантские лайнеры, изображения которых часто публикуют в газетах. Я зачитываюсь подробными описаниями комфортабельных кают и феноменального сервиса. Моих сбережений должно хватить на переезд в Тронхейм, единственный крупный город поблизости и главный порт Норвегии. Олина постоянно пишет нам из Америки. Прошло несколько лет после того, как она уехала туда, и, похоже, у нее все складывается хорошо. Сестра вышла замуж, родила детей и обзавелась собственным домом. Есть чем похвастаться родным. Отец ничего не хочет слышать о беглянке, но я решаюсь ответить ей. В письме я рассказываю обо всех ужасах, которые приключились со мной, и признаюсь в том, как мечтаю увидиться с ней и побывать в загадочном Чикаго, где есть настоящая маленькая Норвегия. Олина отвечает очень быстро. Она искренне сочувствует мне и жаждет утешить свою млад-

шую сестренку при встрече. Наша переписка дарит мне прозрачную надежду. Это первая ниточка, которая связывает меня со страной грез, и я намерена сделать все возможное, чтобы она не оборвалась. Каждое свое письмо я перечитываю и переписываю сотни раз, ведь оно должно понравиться Олине. Что моя дорогая сестра хочет узнать о нашей жизни в Норвегии, о семье и обо мне? В каком настроении она получит это письмо и каким будет ее ответ? Эти вопросы занимают меня. Я будто разгадываю загадку, распутываю клубок, чтобы нащупать нить Ариадны, которая выведет меня на свободу. С каждым днем у меня получается все лучше.

Отец практически забросил хозяйство, предпочитая зарабатывать трудом каменщика. Так как большинство моих братьев и сестер давно разъехались и обзавелись семьями, все ежевечерние отповеди достаются мне одной.

Сын судьбы со временем привыкает притворяться, что не узнает меня. Он настолько преуспел в этом, что поначалу я действительно принимаю все за чистую монету, но потом вижу, как старательно этот негодяй прячет глаза и смотрит куда угодно, только не на меня. Это даже забавляет. Стыд не так просто выносить. Обычно мы начинаем ненавидеть людей, перед которыми нам совестно. Долго такое продолжаться не может. Стыд перерастает в оправдание себя, а затем в ненависть. Спустя несколько месяцев поведение этого человека меняется: теперь, всякий раз заходя в лавку, он издевается надо мной и старается унижить. Порой мне кажется, он специально забегает, чтобы позлорадствовать над тем, как низко я пала.

— Курице не положено пялиться на тех, кто умеет летать. Не ровен час, шею свернет, верно? — зубоска-

лит проходимец, забирая заказ — вырезку, цыплят и говяжий язык, который в их семье любит только он.

Через пару недель он начинает жаловаться на горьковатый привкус мяса, купленного у нас в лавке. Настает мой черед веселиться. Стрихнин из подсобки с завидной регулярностью попадает на говяжий язык. Мне нравится наблюдать за тем, как он худеет, а его кожа приобретает нездоровый серый оттенок. Под глазами у парня залегают черные тени, а его лоб вечно покрыт испариной. Рассказывают, в один из дней он почувствовал такую резкую боль в животе, что рухнул прямо посреди площади. Когда вместо него за мясом приходит работник с их фермы, я понимаю, что пора уезжать. О смерти моего обидчика я узнаю из газет за день до того, как покинуть Тронхейм и отбыть в Лондон.

* * *

— Брунгильда Полсдоттер Сторшетт.

— Как, вы сказали, вас зовут? — удивляется служащий, когда мы оказываемся на острове Элис, в Нью-Йоркской бухте. Именно здесь высаживают всех иммигрантов, прибывающих в Америку третьим классом.

— Белль, запишите просто Белль Петерсон, — машу я рукой, мечтая только о том, чтобы найти уголок, где можно хоть немного поспать.

В пункте приема иммигрантов я провожу долгие две недели. По заявлению властей, все эти процедуры требуются для того, чтобы предотвратить распространение болезней, которые мы везем с континента. Будто пассажиры первого и второго класса здоровы по праву рождения. Те же, у кого не нашлось средств на отдельную каюту, вынуждены после

многодневного плавания на нижней палубе лайнера целую вечность ютиться по пятьдесят человек в бараках, выстроенных на этом крошечном острове. Воистину, деньги в этой стране решают все.

Путь до Чикаго, где сестра и ее муж обещают дать мне приют, занимает больше месяца. Они живут в коммуне норвежцев, на берегу озера Мичиган. Дела у них обстоят вовсе не так радужно, как писала Олина, но в одном она права: здесь действительно кажется, что ты никуда не уезжал. Ровные ряды простых деревянных жилых построек. На площади мальчишки — разносчики газет. Пара-тройка особняков, принадлежащих зажиточным коммерсантам. Дом пастора, несколько магазинов и крупный рынок, куда приходят торговать почти все мужчины коммуны. Поначалу я решаю, что это и есть весь Чикаго, но потом понимаю, что город намного больше, чем норвежское поселение у озера.

Вскоре я устраиваюсь экономкой в один из богатых домов, а по вечерам снова шью и вяжу, как в юности. Двое детей сестры по вечерам вечно вьются на полу, пока я сижу с рукоделием. Двухлетняя племянница залезает ко мне на колени и играет с бусами. Кажется, она очень привязалась ко мне, тем более что мать не обращает на девочку внимания. Олину и ее мужа Джона занимает только один вопрос: что о них подумают соседи. По приезде я поразилась тому, какой красивый у них дом, а когда поняла, что внутри еще ничего не устроено, свежеразкрашенный фасад стал удивлять меня все больше. Джон поколачивает жену за плохо вымытые тарелки, но исправно посещает воскресную службу. Олина тщательно следит за тем, чтобы одежда ее детей выглядела опрятно, но совершенно не заботится о том, чем они пообедали.

Все это мелочи. Ненадолго мне начинает казаться, что я вернулась в детство и теперь у меня есть настоящая и почти счастливая семья. Иногда по вечерам мы с сестрой разговариваем о будущем. Я мечтаю, что вскоре смогу приобрести дом по соседству с ними. Олина со смехом замечает, что весь свой заработок я отдаю им, а тех жалких центов, что остаются, едва хватает на пряжу.

— Как же, интересно знать, ты собираешься купить дом, если ты не замужем? — спрашивает она однажды, когда я в очередной раз заговариваю об этом.

Оказывается, у незамужней женщины нет такого права. Для этого требуется разрешение мужа или отца. Я не слышала о таком законе. С этого времени я начинаю все чаще задумываться о поиске мужа. Эта перспектива пугает меня, уже взрослую женщину двадцати четырех лет, но желание считаться настоящим человеком оказывается сильнее.

Своего благоверного я не люблю. Пожалуй, я могла бы выйти за того, кто мне по сердцу. Но все мужчины смахивают на молодчиков, разрушивших мою жизнь той страшной ночью в хлеву. Мэдса Соренсена я не боюсь. Похоже, это главная причина, по которой я выбрала его. Он довольно привлекательный, к тому же безобидный и покладистый. Мэдс работает на продуктовом складе, и начальство им довольно. Мы женимся в 1884 году. Ему почти тридцать. В этом возрасте уже видно, какое будущее уготовано человеку. Мэдса не ждут великие свершения, но и побиршкой меня с ним уже не станут называть. Остается только открыть лавочку, завести детей и жить долго и счастливо в нашей маленькой Норвегии на берегу озера Мичиган. Наверное, так и должно было случиться, но я слишком устала считать каждый цент

и экономить на хлебе. Я безумно хочу разбогатеть, воплотить американскую мечту, покорить эту страну и заслужить, наконец, уважение.

Она очень любила детей и прекрасно с ними ладила. Ее знали в каждой воскресной школе Чикаго. При любой возможности она старалась помочь сиротам, найти им кров. Некоторые ее чуть ли не святой называли.

Из воспоминаний сестры Белль Ганнес

Наверное, с высоты прожитых лет я могу немного присочинить. Невозможно в столь молодом возрасте опустить руки из-за безденежья. Безысходность и отчаяние копятя в моем сердце еще очень много лет, постепенно вытесняя все добрые чувства.

Когда мы с Мэдсом берем ссуду на собственный дом, я начинаю оставлять у себя Олли, мою племянницу. Сначала она проводит у нас пару дней, а потом гостит по несколько месяцев. Девочка заменяет нам дочь, но, когда приходит время отдать ее в школу, Олина противится тому, чтобы ребенок и дальше жил с нами. Полагаю, сестре глубоко плевать на такие мелочи, как собственный ребенок, но, видимо, соседи стали судачить, называть ее никудышной матерью, и она спохватилась.

Мы тогда серьезно повздорили и почти перестали общаться, встречаясь только на каких-то праздниках. Но со временем Олина снова начинает заглядывать к нам с мужем.

Семь долгих лет я пытаюсь заставить Мэдса хоть что-то делать и к чему-то стремиться, но ему ничего не хочется. Разве что обзавестись собственными детьми. По крайней мере, именно их отсутствие все-

гда становится его последним доводом в семейных скандалах. Не бывает настоящей семьи без детей, а значит, и я фальшивая жена. Его слова больно ранят, и я начинаю искать возможность усыновить ребенка. В окрестностях Чикаго, как и вблизи любого крупного города, открыты церковные приюты, где могут найти пристанище нерадивые матери, зачавшие вне брака или в результате изнасилования. Мне никогда не было жалко этих женщин. По большей части они сами виноваты во всех своих бедах. Им, очевидно, повезло больше, чем мне. Ведь они уже живут в Америке, да к тому же могут забеременеть вновь. Я задаюсь целью подыскать светлого малыша, похожего на нас с Мэдсом, чтобы соседи не болтали лишнего.

Случайно мне удастся познакомиться с женщиной, который собирается отдать свою новорожденную дочь в приют. Его жена смертельно больна, и он понимает, что не сумеет позаботиться о дочке. Я предлагаю свою помощь и навещаю умирающую. Несчастная женщина видит во мне будущую мать своей девочки, и через пару месяцев мы оформляем все бумаги. После этого Мэдсу больше нечего поставить мне в вину, и он соглашается потратить все наши накопления на открытие бакалейной лавки. Предполагается, что я возьму на себя заботу о Дженни, так зовут нашу приемную дочь, а Мэдс будет заправлять делами. Однако в супружеской жизни редко все идет так, как расписывает пастор. Мэдс увольняется со службы и целыми днями торчит дома, а я разрываюсь между хозяйством и лавкой. Всегда и везде требуется разрешение супруга. Рабочие, поставщики, покупатели — буквально все поголовно требуют от меня бумаги с его подписью. Мэдс чувствует свою власть и наслаждается этим. По мере того как растут наши долги,

множится и моя ненависть к мужу, который только и делает, что вставляет мне палки в колеса. Ненависть гораздо чаще, чем любовь, становится взаимной.

Когда Дженни было восемь месяцев, ее мать смертельно заболела. Миссис Соренсен умоляла нас доверить воспитание ребенка ей. Моя жена сама передала малышку на руки Белль и взяла с нее клятву, что та будет заботиться о девочке, оберегать и растить как родную. Белль обещала все исполнить, уверив, что эта клятва для нее священна. Вскоре моя супруга скончалась. После того как мою девочку удочерили, я часто с ней виделся. Когда Белль приводила Дженни ко мне, та всегда была нарядно одета и выглядела счастливой.

Энтони Олсен,
родной отец Дженни Ганнес

Однажды, разбирая счета, я замечаю несколько странных конвертов с печатью страховой компании. Согласно этим документам, мы ежемесячно отчисляем без малого десять долларов, хотя едва сводим концы с концами и не всегда можем позволить себе купить товар в собственной лавке.

— А если магазин сгорит? Ты думала, с чем мы останемся тогда?! — негодует Мэдс в тот вечер.

Оказывается, он без моего ведома застраховал на кругленькую сумму не только лавку, но и свою жизнь. Конечно, муженек просто развесил уши, когда агент вещал ему о выгодности этих трат, но чем больше он понимает, что его облапошили, тем ожесточеннее доказывает свою правоту.

— У нас же ребенок! — выкладываю я свой главный довод.

— Всего один ребенок, да и то не мой! Женщины по пятеро детей без мужа воспитывают, а ты жалуешься! — орет Мэдс.

В это мгновение я отчетливо понимаю, что этот размазня свинцовой гирей повис на моей шее. Ближе к четырем утра нужно отправляться в лавку. Я беру с собой Дженни, и мы вдвоем шагаем по пустынной улице, отворяем тяжелую дверь магазина и какое-то время разглядываем товары на полках. Когда предраассветная дымка начинает рассеиваться, я снимаю колбу с закопченной керосиновой лампы и «случайно» роняю ее на кучу тряпья, сваленного на полу. Огонь распространяется в считанные секунды. Мы с Дженни пару мгновений наблюдаем за тем, как пламя беспощадно уничтожает все, что было создано за годы моего труда, и выбегаем прочь, заслышав звон пожарного экипажа.

Раз уж мы так долго платили по страховке, пора бы и компании немного раскошелиться. Впрочем, как я и ожидала, эти делеги не спешат выдавать нам компенсацию и даже учиняют судебное разбирательство, но мы выигрываем дело. Когда вспыхнул пожар, внутри были только мы с Дженни, а какой спрос с женщины и ребенка?

Мэдс ни о чем не догадывается и теряет голову от тех шальных денег, которые внезапно сваливаются на него. Муж начинает тратить их совершенно бездумно, скупая всякий хлам и соглашаясь буквально на любые сомнительные схемы обогащения. Половину вырученных денег Мэдс отдает некоему господину, который предлагает вложиться в золотодобывающую компанию на Аляске. Потом, конечно, выясняется, что этот человек мошенник. Впрочем, на выплату по страховке мы все же успеваем купить приличный дом и на зависть Олине переезжаем в престижный район. Естественно, как только проносится весть о том, что мы выиграли

суд у страховщиков, сестра тут же загорается желанием наладить родственные связи. Правда, она в основном действует через Мэдса, при любой ссоре всякий раз вставая на сторону моего муженька. По ее словам, без него мне не стоило бы и мечтать о том, чтобы жить в таком доме. Вдобавок ко всему она твердит о том, что семья с одним ребенком — это не семья. Мэдс соглашается с ней и в этом. Сдавшись, я отправляюсь в приют и беру на попечение сразу четырех сироток. Благо мы только недавно поселились на новом месте, поэтому соседям я просто говорю, что на время переезда мы оставляли детей у родственников.

Уже через пару дней Мэдс начинает лезть на стену из-за неумолчного детского плача, наполнившего наше новое жилище. Каролина и Аксель не унимаются ни на секунду, а вот Миртл и Люси ведут себя куда спокойнее. Богу угодно забрать шумных детей первыми. Я непричастна к этим смертям. Много ли шестимесячным сироткам надо? Не дай им вовремя поесть, оставь случайно на сквозняке — и вот уже Всевышний приборал их на небеса.

Досаждают не дети, а Мэдс, который отравляет мою жизнь куда сильнее, чем неугомонные малыши. Он для меня словно кость в горле: мешает вести дела, раздражает вечными придирками, а с некоторого времени еще и начинает ревновать. Последнее вовсе не так приятно, как мне всегда представлялось. У нас останавливается парень по имени Питер, который недавно приехал из Норвегии. Этот человек на несколько лет моложе моего мужа и так красив, что меня охватывает смущение. Питер живет в нашем доме несколько месяцев, и каждый вечер Мэдс, недобро ухмыляясь, твердит, что такая никчемная и уродливая старуха, как я, вызывает лишь жалость, когда смотрит на кого-то вроде Питера.

— Что губу-то раскатала? Все равно Питер на тебя даже под дулом пистолета не взглянет. Верно говорю? А, Питер? — зубоскалит муж, а я пытаюсь сдержать подступающие к глазам слезы и прячу лицо под изучающим взглядом молодого человека.

Такие разговоры повторяются из раза в раз, отчего во мне копится ненависть не только к мужу, но и к нашему гостю. Питер уезжает, найдя работу в соседнем штате, и к этому времени я уже твердо убеждена в том, что больше не хочу видеть Мэдса в своей жизни.

Я покупаю несколько пузырьков крысиной отравы, но пока не уверена, смогу ли ее использовать, захочу ли. Конечно, равнодушие постепенно превратилось в лютую ненависть, но тринадцать прожитых лет — это все же немалый срок. В тот день мы сильно ссоримся. Я обнаруживаю, что теперь муж застраховал свою жизнь на две тысячи долларов. Страховка заканчивается через пару дней, а Мэдс все еще жив, так что все потрачено впустую. Вместо того чтобы признаться в собственном промахе, он, хлопнув дверью, уходит из дома с намерением снова купить страховку на сумму вдвое больше предыдущей.

Вечером муж действительно приносит подписанный договор. Выпив чаю, он чувствует недомогание и ложится отдохнуть. Миртл и Люси гостят у сестры, дома только Дженни. С наступлением темноты Мэдсу становится хуже, он мучается животом, а я приношу ему отвар, чтобы «успокоить желудок». Через несколько часов он начинает тяжело дышать. Я наблюдаю за тем, как он хрипит и корчится от боли в попытке сделать вдох. Его глаза широко раскрыты, но он ничего не видит перед собой. Мэдс знает, что я наблюдаю за ним. Уверена, что знает. Вскоре его сердце останавливается навсегда.

Когда все кончено, я поднимаюсь с кушетки и внезапно замечаю, что все это время Дженни не спускала с меня глаз. Этого я не ожидала. Девчонка невесть что может наплести полиции, но делать нечего. Остается надеяться лишь на то, что дочь не выдаст меня. В полиции уже и так с большим подозрением отнеслись к внезапной смерти двух сироток. Если умрет не только Мэдс, но и Дженни, расследования не избежать.

Полицию мало интересует смерть обычного работника, а вот коронер сначала долго изучает тело, а потом просит пузырек из-под лекарства, которое принял на ночь мой муж.

— Знаете, как бывает? Аптекарь перепутает препарат или дозировку, а потом нет человека, — извиняющимся тоном говорит он, видя перед собой вдову, которая осталась одна с тремя детьми на руках. Ему и в голову не может прийти, что женщина способна навредить супругу, от которого она и ее дети полностью зависят.

Я очень долго «ищу» этот пузырек, но он «куда-то подевался». Коронер сетует на мою рассеянность и прощается. На всякий случай я прошу нашего семейного врача дать заключение о том, что у мужа было большое сердце. Это должно окончательно отвести от меня все подозрения. На сей раз у страховщиков нет ни единого шанса не выплатить положенную сумму. Самое удивительное, что мне удастся получить сразу две страховые выплаты: по договору, который истекает на следующий день, и по документу, подписанному днем ранее. Наконец-то я по-настоящему богата. Не знаю никого из норвежцев, живущих в Америке, кроме, пожалуй, мистера Олсена, магната и владельца газеты «Скандинавиен», кто так же преуспел. Наверное, такие счастливичики есть, но я про них не слыхала, да и вряд ли они заработали состояние без посторонней помощи.

На похороны Мэдса собирается уйма народу. Приходит и рыдающая Олина с домочадцами.

— Это ты сделала! Ты во всем виновата, — шепчет она, когда мы стоим у гроба.

— Не понимаю, что за блажь пришла тебе в голову. Коронер дал вполне ясное заключение.

Ее дочь, маленькая Олли, всего на несколько лет старше Дженни, поэтому, вернувшись с кладбища, девчонки тут же убегают на задний двор, а вот сестра весь день не сводит с меня глаз.

— Я знаю, что ты этого хотела. Только ты.

— Убирайся из моего дома, побирушка, — шиплю ей я. Кажется, это наш последний с ней разговор.

Для всех я безутешная вдова, мать троих малолетних детей и владелица внушительного состояния. Ничто так не пробуждает любовь и сострадание к женщине, как ее счет в банке. По городу ползут нехорошие слухи, но едва речь заходит о размере страховки, все домыслы моментально выветриваются из голов охотников до богатых вдовушек. Впрочем, я все же принимаю решение переехать и вскоре нахожу нечто стоящее: роскошный загородный дом в Ла-Порте. Когда-то он принадлежал хозяйке элитного борделя. Наверное, кто-то назовет его безвкусным, но, думаю, это всего лишь зависть. Прекрасная напольная плитка в просторном холле, невероятные кровати с балдахинами в спальнях, а на втором этаже — даже библиотека, которую я начинаю исследовать в первый же день. В основном на полках классические романы и многочисленные томики со стихами английских поэтов. Хозяйка дома умерла за несколько месяцев до того, как мы заселились сюда, но я заочно влюбляюсь в эту образованную и смелую женщину.

Теперь-то уж никто не будет диктовать мне, что делать. Ни представители закона, ни соседи больше

не потребуют от меня предъявить разрешение мужа, если я надумаю чем-то заняться. Я уже немолода, но вдруг начинаю замечать искры живого интереса в глазах собеседников мужского пола. Впрочем, я не настолько глупа, чтобы не заподозрить их в жажде наживы.

Я не ношу траура по почившему супругу, но и замуж снова пока не тороплюсь. Через полгода я решаю навестить двоюродную сестру, живущую в соседнем штате, и там встречаю Питера. За те годы, что мы не виделись, его лицо изрезали глубокие морщины — свидетельство непростой жизни. Но в остальном он все так же привлекателен, как и в нашу первую встречу. Мы проводим вместе несколько чудных дней, по истечении которых он вдруг делает мне предложение. Несколько месяцев назад он овдовел. Его прекрасная, белокурая и синеокая жена скончалась при родах их второго ребенка, и сейчас Питер едва сводит концы с концами, пытаюсь прокормить младенца и уже подростковую девочку по имени Сванхильд. Работая мясником, сложно обеспечить двум детям достойное существование. Питер не видит ничего предосудительного в том, чтобы обвенчаться. Все вокруг, конечно, решают, что его привлекло мое состояние, а не я сама, но как же соблазнительно поддаться искушению и поверить в то, что такой видный мужчина может искренне полюбить кого-то вроде меня.

Не очень умно идти на поводу таких фантазий, и, наверное, не стоит соединять свою жизнь с человеком, только что похоронившим супруга. Моя судьба тому живое подтверждение. Почти сразу Питер начинает меня поколачивать, а Сванхильд подбрасывает дров в огонь, то и дело рассказывая небылицы и жалуясь отцу на мое дурное отношение. Чтобы люди

прекратили судачить о моем новом муже, я подкладываю подушку под платье и притворяюсь беременной. С соседями этот трюк срабатывает, а вот на Питера известие не производит никакого впечатления.

Я покупаю в аптеке успокаивающую настойку в надежде, что без активного вмешательства его детей наша жизнь переменится, но ошибаюсь в дозировке. Старшая девочка теперь действительно ведет себя спокойнее, а вот младшая засыпает навсегда. После смерти дочери Питер становится еще агрессивнее. Теперь он чуть ли не каждый вечер говорит, какая я уродливая и как плохо веду хозяйство. По его словам, это мне стоило умереть, а не малышке.

— Нечего было жениться, — однажды не выдерживаю я.

— А можно и развестись. Думаешь, эти хоромы тебе достанутся? Как бы не так. Я мужчина, и по закону все имущество перейдет мне. Тебе этот дом перепал случайно, так же и потеряешь его по глупости!

Он говорит и говорит, но я уже не слушаю его. Я вижу перед собой столь же уродливого внутри человека, что и сын судьи, растоптавший мои чувства когда-то. Ненависть буквально оглушает меня на мгновение. На плите стоит большая кастрюля с рассолом, и я сдергиваю ее так, что кипящая жидкость выплескивается на Питера. В этот миг со стола с грохотом падает мясорубка. Я хватаю ее и в неистовстве бью мужа по голове. Металлический корпус слишком глубоко входит в череп, чтобы можно было вытащить мясорубку из раны и ударить еще раз. Если бы не это, думаю, я бы продолжила молотить ею того, кто когда-то казался мне прекрасным принцем из скандинавских сказок.

Заслышав шум, на кухню прибегает Дженни. Нет сомнений: она прекрасно понимает, что здесь

случилось. Двенадцать лет — уже не тот возраст, когда можно убедить ребенка в любой легенде. Дочь молча стоит и с ненавистью разглядывает отчима, распластавшегося на полу. То омерзение, с которым она смотрела на него в тот день, запоминается мне навсегда, заставляя поверить в то, что это действительно моя девочка и мы всегда будем с ней заодно.

— Что ты стоишь? Зови на помощь соседей! — приказываю я, опомнившись.

* * *

Все разрешается как нельзя лучше. Соседи приводят врача. Коронер, конечно, чует неладное, но на суде свидетели обстоятельно рассказывают о том, как, прибежав на зов, они увидели несчастную и растерянную беременную женщину. Хотя полиции известно, как я получила свое состояние, суд оправдывает меня и верит в то, что муж сам случайно опрокинул на себя кастрюлю, а затем уже на него упала мясорубка. Дженни полностью подтверждает мои показания. Присяжные, среди которых одни мужчины, просто не могут представить, как женщина на сносях сумела бы совершить такое.

Изучив останки и опросив свидетелей, мы пришли к выводу о том, что смерть наступила в результате ранения, полученного вследствие падения мясорубки с кухонной плиты. Удар пришелся на затылочную область и привел к перелому черепа и внутреннему кровоизлиянию, повлекшему за собой смерть.

Из заключения коронера

Спустя какое-то время я беру из приюта еще одного младенца. Теперь у меня пятеро детей. Дженни, Миртл и Люси достались мне от первого брака, а Сванхильд — от второго. Стало быть, маленький Филипп появляется уже после смерти моего последнего супруга. Соседи относятся ко мне с недоверием и пренебрежением, но я и не стремлюсь завязать с ними дружбу, тем более что это весьма неприятные люди. Они вечно норовят запустить свою скотину на мою землю, но негодуют, когда я поступаю так же. Потом уже злые языки утверждали, что мои дети приходили в школу со следами побоев, всего боялись и жались по углам. Интересно, нечего сказать. А сколько раз моих девочек колотили школьные учителя? Конечно, за шалости они получали нагоняй, но я никогда не перегибала с ними палку и честно исполняла свои обязанности.

Огромный дом и хозяйство требуют уйму сил и нервов. Свины, коровы, козы и куры нуждаются во внимании и заботе. Домашнее хозяйство необходимо содержать в порядке, поле обрабатывать, урожай сбывать на ярмарке. На вырученные деньги я кормлю и одеваю детей. Помимо всего прочего, на мои плечи ложится покупка техники, без которой поля не засеять и урожай не снять. Согласитесь, немало для одинокой сорокалетней женщины. Прибавьте к этому еще пятерых малолетних детей, и, надеюсь, у вас сложится примерное представление о моей жизни в тот период.

Несколько раз я прошу соседей подсобить мне с посевной и даже предлагаю за это неплохие деньги. Пару раз мне помогают, но потом мы окончательно ссоримся, и я вынуждена озадачиться поиском помощника. Я даю объявление в газету для норвежцев, и очень скоро ко мне на службу нанимается

тридцатилетний, ничего не добившийся в жизни недотепа. У меня есть подозрения, что его цель — завоевать расположение богатой вдовы. Намерения парня очевидны, и я стараюсь держать его на расстоянии, но вскоре по Ла-Порту все равно ползут скабрзные слухи, которые происходят из пьяных рассказней этого глупца. Однажды он, выпив лишнего, заявляется в мою спальню и пытается изнасиловать меня. Для таких случаев я всегда держу под рукой кочергу, которую тут же пускаю в ход. А ночью приходится закапывать его останки на заднем дворе. Ни жалости, ни грусти этот никчемный человек не заслуживает. Его чемодан я ставлю в чулан, а все сбережения забираю себе в качестве компенсации за перенесенные страдания. Соседям я говорю, что парень решил попытаться счастья в другом месте, а затем вновь даю объявление в газете. Вскоре на его место приходит другой работник, но и он ведет себя не лучше.

Я покупаю номер «Скандинавиен», чтобы посмотреть, как выглядит моя заметка о поиске помощника на ферму. Полистав газету, я замечаю на последней странице колонку с брачными объявлениями. Одинокие вдовы и вдовцы ищут супругов не столько для любви, сколько для подмоги по хозяйству. Это буквально сквозит между строк. Чуть поразмыслив, я тоже составляю такое объявление и отправляю его по почте вместе с небольшой платой за публикацию.

Честно сказать, я не упомяну всех, кто приезжал ко мне на ферму в те годы. Их было очень много, и все они нашли вечный покой в хлеву, рядом со свиньями. Как жестока судьба, ведь эти мужчины ехали к скандинавской красавице Белль. Очарованные ее внешностью и сладкими речами, восхи-

ценные ее мужеством и бесконечно влюбленные, они устремляются через всю страну, чтобы обрести счастье и умиротворение. Сюжет для рыцарского романа, не меньше. На самом же деле каждый из них думает только о деньгах, планируя облапошить богатую и глупую вдовушку, которой по чистой случайности досталось огромное состояние. Наверное, не все намерены обокрасть меня и скрыться, есть и те, кто искренне надеется начать новую жизнь на ферме, но никто этого не достоин. Они пальцем о палец не ударили, чтобы купить такой дом и обзавестись таким хозяйством. Им кажется, женщина в моем возрасте готова выйти замуж за любого неудачника. Но я уже настоящий человек и не собираюсь менять этот статус на сомнительное счастье называться чьей-то женой.

Миловидная вдова, владеющая большой фермой в одном из лучших районов округа Ла-Порт, штат Индиана, желает завести знакомство с не менее обеспеченным джентльменом, чтобы объединить состояния. Письменные ответы не рассматриваются, если только отправитель не желает назначить время для визита.

Объявление Белль Ганнес

Не подумайте, что все так просто и мною движет лишь жажда наживы или что-то вроде того. Нет, тогда бы все можно было организовать куда проще. Каждый день почтальон приносит мне стопку писем от потенциальных женихов, и каждый вечер я поднимаюсь на второй этаж, запираюсь в библиотеке и строчу ответные послания. В такие мгновения я вспоминаю юность, когда сочиняла трогательные

письма сестре, жившей за океаном, и представляю себя принцессой Брунгильдой, за сердце которой сражаются благородные рыцари. Я вольна выдумать какие угодно истории для этих мужчин и, что еще прекраснее, могу писать не от своего лица, а от имени привлекательной и уверенной в себе дамы, которая знает себе цену. Мнится, что именно такой меня видят окружающие, но тогда все эти поденщики не рассказывали бы про меня скабрзные и унижительные истории.

Обычно я живописую, как чудесно мы заживем, если объединим капиталы и устроим на ферме все по собственному вкусу. Далее хитрость заключается в том, чтобы угадать, как именно все захочется видеть этому безликому жениху. Одному представляется кресло-качалка на заднем дворе, другой с детства мечтает о шотландском пони — его, к слову, пришлось купить ради одного такого чудака. Если попадешь в точку, дальше все просто. Я рассказываю «жениху», как ему следует поступить со своими деньгами, советую, как выгоднее продать дом и в какой банк обратиться за ссудой, а затем прошу поскорее приехать со всеми своими пожитками.

Боже, сколько же ненужных вещей хранят мужчины! Один тащит с собой чудовищного вида шкаф на львиных лапах, другой — громоздкую статую какой-то девы. Мои гости полны надежд и мечтаний, но вскоре показывают себя во всей красе. В свое оправдание могу сказать, что никогда не убиваю просто так, всякий раз на то меня вынуждают обстоятельства. Очень быстро мои новые знакомые начинают сыпать оскорблениями и распускать руки. Они не выносят присутствия чужих детей в доме и заглядываются на Дженни, которая постепенно пре-

вращается в настоящую красотку и грезит о том, как бы вылететь из родного гнезда и поступить в женский колледж в Калифорнии. Чем привлекательнее и моложе мужчина, тем больше я им очаровываюсь в первые дни знакомства и тем сильнее ненавижу, когда он показывает свое истинное нутро.

Она была очень сильной и выносливой женщиной. Дни напролет проводила под открытым небом, невзирая на дождь или снег. Всегда сама ездила за новой техникой. Однажды я видел, как она привезла на телеге мешок пшеницы, а потом взвалила его на плечи и отнесла в амбар. Не всякому мужчине под силу поднять такую тяжесть.

Из воспоминаний жителя Ла-Порта

Когда чемоданов в чулане набирается больше десятка, приходится нанять человека, чтобы выкопать две большие ямы «для мусора». Поздней ночью я отношу туда останки двоих гостей, а затем засыпаю яму дерном. Новый работник какое-то время остается на ферме, и я замечаю, что он любезничает с Дженни. Вечером я устраиваю ей выволочку: нечего раньше времени засматриваться на мужчин. Но дочь, обычно кроткая и молчаливая, вдруг ощеривается на меня:

— Не тебе указывать, с кем мне общаться, а с кем — нет. Я еще в том году должна была уехать на учебу, а ты до сих пор молчишь. С кем хочу, с тем и говорю, куда хочу, туда и иду. Будешь придирааться, всем расскажу, как ты с отцом обошла, или с Питером, или...

Она перечисляет имена, а я смотрю на нее и не могу признаться себе в том, что решение уже

принято. Мать должна защищать своего ребенка, и в первую очередь от совершения глупых поступков.

— В колледже есть вступительные экзамены, а ты все школьные знания уже растеряла, — нахожусь я с ответом.

— А кто в этом виноват?! — причитает Дженни.

— Я напишу одному образованному человеку, он подтянет тебя по всем предметам перед отъездом, — тихо говорю я.

Дженни замолкает, кажется, не веря услышанному, а я с тяжелым сердцем поднимаюсь в библиотеку.

На следующий день я выгоняю этого мерзавца и начинаю подмешивать Дженни успокоительную настойку. Тяжко наблюдать за тем, как угасает моя девочка, но другого выхода я не вижу. В конце концов, она хотела уехать в колледж, а потом остаться жить в Калифорнии. Она бы все равно покинула меня и встретила с жестоким, слишком жестоким для нее миром. Я успокаиваю себя тем, что оказываю ей услугу и спасаю ее чистую душу.

Поздним вечером 1901 года ее сердце останавливается. Она лежит на кровати, почти невесомая и прекрасная, как принцесса, а я плачу, наверное, впервые за много лет. Мне приходится похоронить дочь там же, где нашли последнее пристанище мои женихи. Позволить себе выкопать полноценную могилу я, конечно, не могу.

На некоторое время я будто проваливаюсь в черную яму и полностью теряю интерес к жизни, но сидеть без дела и горевать — непозволительная роскошь для фермерши. Коровы, овцы, козы и свиньи сами себя не накормят. Я нанимаю нового работника, жителя Ла-Порта. Смазливый тридцатилетний

молодой человек с пышной шевелюрой, добрым нравом и лучезарной улыбкой — Рэй Ламфер слишком хорош, чтобы батрачить на ферме. Я сразу же начинаю жалеть о том, что наняла его. А уж когда узнаю, что он из благородной семьи местного судьи, и вовсе намереваюсь выгнать взащей.

— Почему ты нанялся ко мне в работники? — спрашиваю я как-то вечером.

— Мне нравится этот дом, и я вроде бы неплохо справляюсь, да и вы очень добрая женщина, — пожимает он плечами и улыбается.

Он столь красив и добродушен, что во мне тут же вскипает ненависть. Сын судьи. Иногда мне начинает казаться, что именно он избил и изнасиловал меня в юности, лишив права на настоящую жизнь. Впрочем, я ведь говорила, что никогда не убивала без явной на то причины? Рэй все никак не дает мне повода. Иногда парень напивается в местном кабаке и пару раз ломает новую борону, которую я купила на выставке, но он никогда не позволяет себе грубого слова в мой адрес и отлично ладит с детьми. Конечно, я начинаю опасаться, что он прознает про моих женихов. Чулан, в котором хранятся чемоданы и пожитки незадачливых ухажеров, я запираю на тяжелый замок и запрещаю ему общаться с почтальоном. Ко мне заявляется очередной друг по переписке, и вскоре я уже скармливаю его останки свиньям. Рэй, кажется, не замечает ничего странного, и я немного перевожу дух.

Через месяц ко мне должен приехать Эндрю Хельгелайн. Я давно готовилась к этому визиту. Он не самый богатый и уж точно не самый привлекательный из тех, кто мне писал, но я потратила на него слишком много времени.

Ла-Порт — золотой город, о котором мало кто знает. Он находится рядом с Чикаго, земля здесь год от года дорожает, но пока еще ее можно купить за совсем небольшую сумму. Здесь потрясающие люди, плодородная почва и все овеяно любовью... Когда ты приедешь, я буду готовить тебе кремовый пудинг и другие блюда, которые ты любишь. Ты так много работал, что заслужил провести в покое остаток дней.

Из письма Белль Ганнес Эндрю Хельгелайну

Мы переписываемся вот уже десять месяцев, а он все никак не решается продать свой дом. Впрочем, есть еще кое-что важное. Мне правда нравится с ним переписываться. Сорокадевятилетний, серьезный и уважаемый мужчина, вдовец и отец двух взрослых сыновей, он описывает себя ровно таким человеком, с которым хочется провести остаток жизни. Эндрю пишет о том, что в соседнем штате живет его брат с семьей, и мы могли бы гостить у них по праздникам. Эта перспектива тоже кажется мне весьма привлекательной. На деле Эндрю оказывается даже хуже тех, кто приезжал ко мне раньше. Сойдя с повозки, он бросает на дороге огромный чемодан, который мне приходится тащить до самого дома. На ферме ему не нравится абсолютно все, от мебели до свиней и шотландского пони, а уже через пару дней он отвешивает мне первую затрещину. Вместо извинений Хельгелайн заявляет:

— Ты же понимаешь, что сама виновата. Если бы ты была хорошей хозяйкой, то не осталась бы одна в таком возрасте. Раз уж я решил связать свою жизнь с такой, как ты, то должен научить тебя вести хозяйство.

В ответ я предлагаю ему выпить успокаивающего чая, а когда он засыпает, душу подушкой. Свиньи недавно поели, поэтому придется засыпать останки этого скверного человека негашеной известью и закопать. Поздно ночью я притаскиваю мешок с телом во двор и начинаю рыть яму. Разгорячившись от работы и смертельно устав, я не замечаю, как ко мне подходит Рэй. Он молча наблюдает за моими мучениями: земля твердая как камень, и вдобавок ко всему из мешка вываливается рука убитого. Заметив Рэя, я вскрикиваю от неожиданности и замахиваюсь на него лопатой. Он отбрасывает папиросу, делает шаг в сторону, вырывает лопату у меня из рук и втыкает ее в землю. Какое-то время я молча наблюдаю за тем, как мой работник копает, а потом берусь ему помогать. Так и не проронив ни слова, мы хороним Эндрю Хельгелайна, а затем идем в дом.

— Почему ты помогаешь мне? — тихо спрашиваю я.

— Я бы тоже его с удовольствием прикончил, — пожимает он плечами и улыбается своей широкой обезоруживающей улыбкой.

С тех пор я перестаю его опасаться, а вскоре мы сближаемся. Рэй становится первым человеком после сестры, с которым мне легко. Женихи продолжают приезжать, хотя и реже. Рэй помогает мне в делах. Дети подрастают. Жизнь на ферме идет своим чередом, пока на пороге внезапно не возникает хмурый мужчина средних лет.

— Асле Хельгелайн, — учтиво представляется он. — Понимаю, что вы не ждали моего визита, однако мой брат Эндрю несколько месяцев назад собирался переехать к вам в Ла-Порт, и с тех пор я не получал от него весточки.

— Не понимаю, о ком вы. Ко мне заезжал друг по переписке, но он отбыл буквально на следующий

день и адреса не сообщил, — отвечаю я и ухожу в дом, ясно давая понять, что не хочу продолжать разговор.

Асле оказывается настырнее, чем можно было себе представить. Он селится в гостинице Ла-Порта и затевает настоящее расследование. Прознав об этом, Рэй приходит в ужас. Он предлагает мне отправиться в полицию и рассказать, что Эндрю на меня напал, поэтому ему, Рэю, пришлось убить негодяя, чтобы защитить свою хозяйку. При благоприятном исходе можно было бы надеяться на оправдательный приговор, если бы расчлененное тело Хельгелайна не нашло свой последний приют на заднем дворе моего дома.

Моя дочь отвезла его на станцию. Он собирался в Мичиган-Сити. Это городок в двенадцати милях от Ла-Порта. Он пробыл на ферме один день и больше не возвращался.

Из письма Белль Ганнес Асле Хельгелайну

В тот вечер мы с Рэем ссоримся, а наутро я объявляю ему, что больше не нуждаюсь в его услугах. Он отправляется в ближайший бар, а я, дабы показать серьезность своих намерений, сразу нанимаю нового работника. Вечером того же дня я начинаю горько сожалеть о своем поступке, но одергиваю себя, чтобы не броситься за Рэем и не вернуть его.

Асле Хельгелайн каким-то образом узнает, что перед исчезновением его брат снял крупную сумму со своего счета в отделении банка Ла-Порта. Находится свидетель, который вспоминает, что я в тот раз его сопровождала. В другом банке я снимала деньги уже по доверенности Эндрю, но Асле пока этого не знает.

Рэй буквально днюет и ночует возле фермы, требуя объяснений, утешений и признаний. Дети начинают докучать вопросами, а брат Эндрю грозит обратиться в полицию, правда, потом все же уезжает из города по семейным делам. Я отправляю Асле послание, написанное от лица Эндрю, в надежде немного успокоить его, но уже через неделю поиски пропавшего возобновляются. Тучи над фермой сгущаются. Как гласит старая норвежская поговорка: нужно уметь вовремя скидывать карты. Возможно, так говорят в Чикаго, но сути дела это не меняет.

Асле добивается того, чтобы полиция занялась розыском его брата. Каким-то чудом он находит мои письма к Эндрю, а затем заставляет сотрудника банка, видевшего нас вместе, дать свидетельские показания.

— Нет ничего плохого в том, чтобы появиться с мужчиной в отделении банка, господин полицейский. Я вдова, но прошло уже достаточно времени со смерти мужа, и я не должна больше носить траур по нему, — говорю я копу, который объявляется на моей ферме.

— Вы правы, миссис, но, по словам Асле Хельгелайна, вы сказали ему, что никогда не видели его брата...

В тот раз мне удастся убедить полицию в том, что Асле слегка повредился рассудком, но становится понятно: рано или поздно правда вылезет наружу. Случается, тучи затягивают небо в считанные секунды, жизнь человека обычно меняется не так быстро. Я подумываю о том, чтобы продать ферму и переехать куда-нибудь в солнечные края, но опасаясь давать объявление в газету.

Рэй чуть ли не каждый вечер напивается в баре, а затем топчется под дверью и требует, чтобы я его

выслушала. Что мне с ним делать? Конечно, он слишком много знает, но убить его я не могу. Он ничего плохого не сделал и просто хочет поговорить, а мне нечего ему сказать. Поскольку соседи начинают жаловаться на шум и невоздержанность парня, мне приходится обратиться в полицию и сообщить о преследовании со стороны Рэя Ламфера. В ответ он вдруг вспоминает о том, что часть его вещей осталась на ферме, и обвиняет меня в краже.

В Ла-Порте начинают сплетничать обо мне, припоминая и о мужчинах, приезжавших на ферму, и о многочисленных работниках. Парень, который подбивал клинья к Дженни, приходит и требует ее новый адрес. Все складывается одно к одному. Нужно уезжать.

В какой-то момент единственным человеком, с кем я могу спокойно поговорить, становится Лиззи Смит. Темнокожая старуха, которой, кажется, тысяча лет, поселилась рядом с фермой не так давно. За плечами у нее скандальная жизнь свободолобивой красотки. Она прославилась скверным характером и блестящим остроумием. В свое время жители Ла-Порта взбунтовались и потребовали у властей выселить возмутительницу спокойствия за черту города, так как подобное соседство их оскорбляло. Меня ничуть не смущает, что лачуга Лиззи стоит в сотне метров от моего жилища. Оценив это, она с удовольствием делится городскими сплетнями, что хоть как-то помогает подлечить мои душевные раны. В те дни я захожу к ней чуть ли не каждый вечер.

Теплым вечером 28 апреля 1908 года я зову на чай новую продавщицу из мясной лавки. Крупная коренастая норвежка недавно приехала в Ла-Порт и с радостью принимает мое приглашение. Ей не терпится обзавестись друзьями в новом городе, и, подобно многим

в ее положении, она не слишком разборчива в выборе знакомых. Я отправляю детей спать и накрываю на стол, когда заявляется Рэй. Наверное, он решает, что у него двоится в глазах, когда он видит мою гостью, — настолько мы с ней похожи лицом и фигурой.

— Ты не могла бы принести из погреба бутылку вина? — прошу я приятельницу в надежде успеть за время ее отсутствия объясниться с Рэем. Девушка с готовностью кивает и поднимается из-за стола.

— Что она здесь делает? Что вообще происходит? — недоуменно бормочет Рэй, когда за ней захлопывается дверь.

— Помоги, если любишь, — отвечаю я.

Идея приходит внезапно. Я вдруг понимаю, что мне действительно не справиться самой. Как же я не подумала об этом раньше? Надеялась, что Рэй спасет меня, как и той ночью, когда руки не слушались, а лопата не хотела врезаться в землю?

— Ты хочешь исчезнуть! — почти кричит Рэй и трясет головой, то ли желая стряхнуть остатки хмеля, то ли не веря в происходящее. Я только киваю.

— Помоги мне, — повторяю я внезапно охрипшим голосом.

Когда девушка возвращается, я оставляю ее наедине с Рэем, а сама иду попрощаться с детьми. Много ли им надо, чтобы отправиться к Богу на небеса? Все проходит тихо и спокойно. Из детской я направляюсь в спальню, зажигаю керосиновую лампу и бросаю ее на пол. Огонь тут же вспыхивает. Всего несколько минут, и дом будет объят пламенем. Я хватаю топор и бегу в гостиную, но, оказывается, Рэй опередил меня. На полу лежит девушка, со спины она как две капли воды похожа на меня. Мы решаем обезглавить тело, чтобы ни у кого не возникло сомнений — при пожаре погибла именно я.

— Беги к Лиззи Смит, она укроет тебя, — кричу я. Огонь уже полыхает вовсю, и нужно приложить усилие, чтобы перекричать треск, с которым пламя поглощает деревянные перекрытия.

Рэй стоит на крыльце и наблюдает за тем, как я бросаюсь в амбар за чемоданом Хельгелайна, где хранятся все скопленные доллары. Он стоит и смотрит, как я бегу в сторону леса. Его фигура, освещенная всполохами огня, становится моим последним воспоминанием о Ла-Порте. Впереди меня ждет долгое путешествие в Новый Орлеан — город хитрецов и мошенников, мечтающих о богатстве и славе.

Этот дом был окутан тайной. И вот перед нами погребальный костер... В чудовищном пожаре сгорели вдова и ее дети. Огонь уничтожил все в считанные минуты, осталось лишь пепелище и три уцелевшие стены — свидетели катастрофы.

Из заметки о пожаре 1908 года,
опубликованной в местной газете

Я еще долго покупаю газеты, которые выходят в Ла-Порте, всякий раз с ужасом ожидая, что там будет написано о чистосердечном признании Рэя Ламфера. Он молчит из любви к той, кого больше не увидит. Поначалу его арестовывают по подозрению в умышленном поджоге, но потом Асле возвращается в город и разводит бурную деятельность. Вместе с работником, увивавшимся за Дженни, они откапывают труп его обожаемого брата, а затем и множество других тел. Газетчики буквально теряют рассудок от такой находки. Нет ни дня, чтобы кто-то не накропал статью об ужасной ферме Черной Вдовы. Это и немудрено, а вот то, что сын законника Рэй

Ламфер так ничего и не рассказал, действительно поражает. Пожалуй, только о нем я и жалею. Я прошла мимо его любви, не поверив в то, что можно всерьез увлечься кем-то вроде меня. Наверное, все это к лучшему. По крайней мере, для него. Я оставила ему небольшой подарок в качестве благодарности за помощь, а заодно вознаградила Лиззи Смит, которая согласилась оказать мне услугу. Только через год я перестаню читать новости о Ла-Порте, а еще через пару месяцев публикую в местной газете объявление о поиске достойного жениха.

* * *

Пожар стер все сколько-нибудь достойные изучения свидетельства о жизни Белль Ганнес. На пепелище были найдены трупы детей и останки обезглавленной женщины. По свидетельствам очевидцев, погибшая выглядела более крупной по сравнению с Ганнес, однако точного заключения так никто и не дал. Спустя какое-то время стали появляться новые слухи об исчезновении мужчин. Больше всего таких историй поступало из Нового Орлеана. Деньги и вещи, похищенные у женихов, бесследно исчезли, значит, преступнице удалось сбежать. Однако доподлинно неизвестно, действительно ли Черной Вдовой из Нового Орлеана была та самая Белль.

Ужасная история. Белль Ганнес — настоящее чудовище, верно? Или нет? На самом деле преступления, совершенные этой женщиной, впечатляют своими масштабами, количеством жертв, но не способом осуществления. Вплоть до середины XX века развод считался неприемлемым и даже аморальным, а вот вдовство не осуждалось. В строгом смысле слова черных вдов нельзя считать серийными убийцами,

так как в их случае на первое место выходит жажда наживы при полном равнодушии к партнеру. Однако, как ярко иллюстрирует случай Ганнес, постепенно стремление вершить правосудие становится ведущим мотивом.

На сегодняшний день считается, что психопатия или расстройство личности являются врожденными. Излечить человека от себя самого нельзя, однако можно адаптировать его к существованию в социуме. В таком случае его жизнь практически не будет отличаться от жизни обычных людей, и никто из его близких не пострадает. Возможен и другой вариант. Если у человека с детства наблюдается ярко выраженная акцентуация характера, присутствуют давление социальных факторов и делящееся травмирующее событие, то расстройство личности может прогрессировать, разрушая не только ее саму, но и все вокруг.

Сложные условия сельской жизни, бедственное положение семьи, ранняя смерть матери и безразличие отца запустили в Белль процесс психопатизации. Изнасилование и предательство любимого человека, а также невозможность наказать его с помощью закона лишь ускорили этот процесс. Белль росла в патриархальном обществе, где смыслом жизни женщины были дети, но именно этой возможности ее лишили. В результате в ней зародилась безотчетная ненависть к мужчинам. Мы ненавидим тех, кого боимся. Белль боялась своих мужей, понимая, что те сильнее физически и имеют больше юридических прав. Это побуждало ее изо всех сил стараться подчинить их. Сознательно или нет, но она надеялась тем самым привязать их к себе, заставить любить на своих условиях. Но в униженном положении человек редко ведет себя достойно. Чем больше мужья зависели от нее, тем больше агрессии проявляли, а Белль